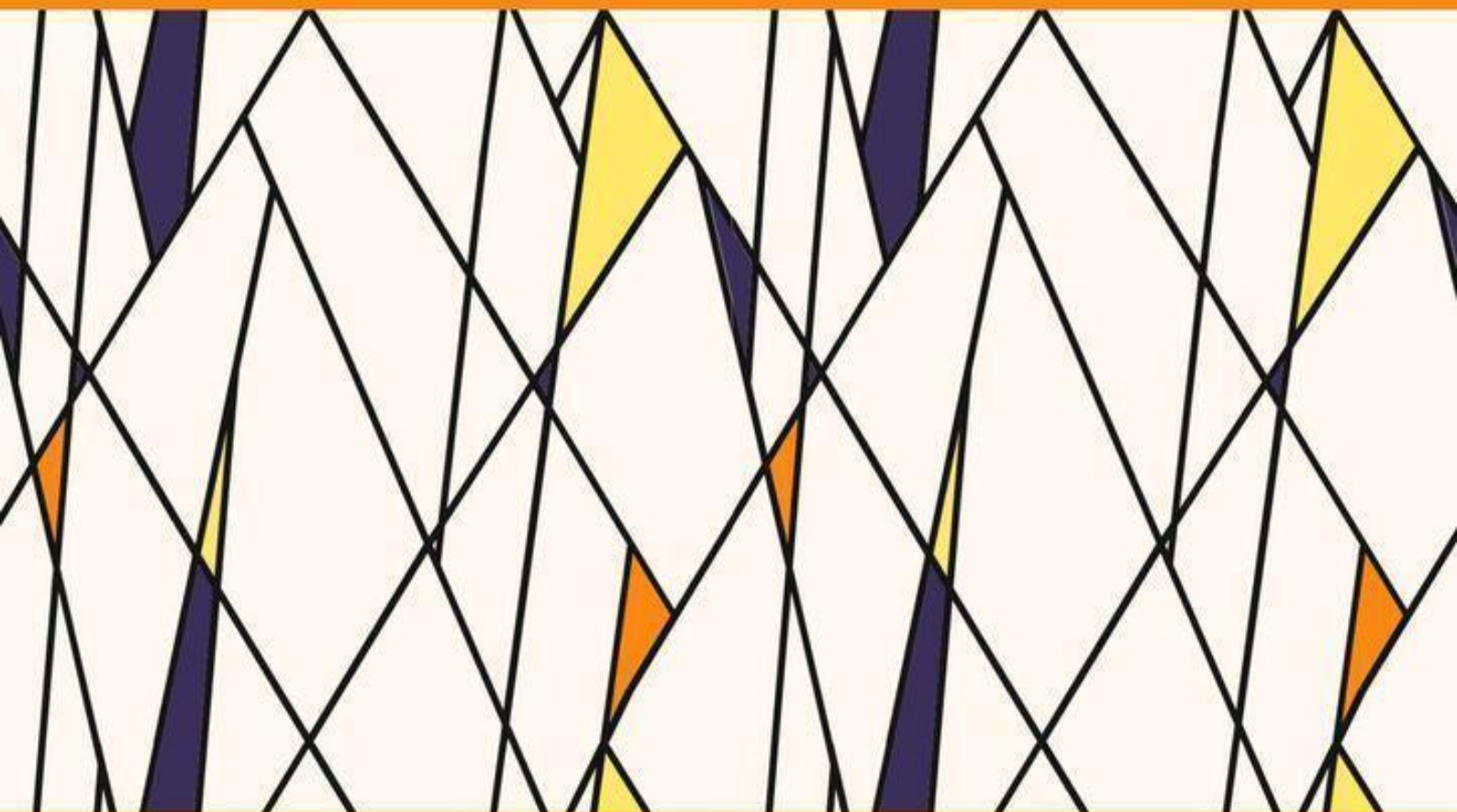

18+

Андрей Лобов

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ТРЕПЕТНОСТИ

Андрей Лобов

Несколько дней трепетности

«Издательские решения»

Лобов А.

Несколько дней трепетности / А. Лобов — «Издательские решения»,

Несколько рассказов-размышлений о любви и жизни, радостях и сомнениях, о том, как увидеть необычное в обычном. Автор задаёт много вопросов, читатель же оставляет за собой право отвечать на них или нет.

© Лобов А.

© Издательские решения

Содержание

Место, где спускаются ангелы	6
И старик, и рыбы, и море	8
Хищники и клоуны	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Несколько дней трепетности

Андрей Лобов

© Андрей Лобов, 2026

ISBN 978-5-0070-5952-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Место, где спускаются ангелы

Как его звали? Не спросил.

Когда прощались, когда благодарил его, пожимая руку и произнося старательно испанскую «сэ»: *muchas gracias, muchas gracias!*..

А, может, у него не было имени, как у обычного ангела, таких, каких много здесь. Откуда он появился, в тот момент, когда оглушенный своей глупой ошибкой, я соображал, что делать, куда бежать, кого просить о помощи?..

...На железнодорожный вокзал Таррагоны мы с сыном приехали из маленького курортного местечка, чтобы отправиться потом в Памплону смотреть «энсьерро», когда быки бегут по улицам города, а перед ними — люди, отравленные адреналином. Когда-то я читал Хемингуэя, и еще мы с сыном смотрели это сумасшествие по телевизору, и вот появилась возможность съездить на праздник Сан Фермин и посмотреть бег быков вживую.

Подготовился к поездке основательно, как мне казалось. В интернете купил все билеты, оплатил гостиницу и еще поездку в Страну басков, в Сан Себастьян, с экскурсиями, почему-то всегда мечталось там побывать...

В Таррагону прибыли заранее, минут за сорок, чтоб не бегать с платформы на платформу к отходящему поезду. Кассир, пожилой испанец, взглянув на наши распечатки, вдруг сказал, что поезд AVE в Памплону через этот вокзал не идет. «А через какой идет?», — спросил я. «Через Камп де Таррагона». «И где находится Камп де Таррагона?». Кассир, явно тяготясь нашей непонятливостью, объяснял все довольно обстоятельно — где, чего, как. Единственная проблема — на обычном разговорном, то есть очень быстром испанском языке. Который я знал очень и очень номинально. Понял я одно: Камп де Таррагона — это совсем другой населенный пункт, и отсюда до него километров восемнадцать...

Признаюсь, мой мозг тогда слегка парализовало. Я не знал, что и делать. Верить испанцу не хотелось. Вот и побывали на «энсьерро», вот тебе, бабушка, и Сан Себастьян. Как в «Большом Лебовски», помните, «похоже, машину твою угнали, Чувак». «Да ну, пошло оно все на хрен», — и, опустошенный, пошел домой». Что-то вроде того.

...Я хорошо помню, что небеса не разверзались тогда, молния не перерезала набежавшие черные тучи, и светом не озарялся вокзал в Таррагоне. Просто откуда-то появился мужчина напротив нас, который, увидев наши расстроенные лица, начал выяснять у кассира, что случилось, а тот ему объяснял, что поезд отправляется на Памплону не отсюда, а времени осталось немного, чего стоят эти туристы, непонятно. Это и был ангел, небритый и похожий на знаменитого вратаря «Реала» Касильяса, он подошел к нам и начал тоже быстро говорить по-испански, призывая к действию и показывая свои проездные документы. Я понял, что он тоже едет в Памплону, но на несколько часов позже, и что он тоже не знал, что вокзал для скоростных поездов находится в другом месте. «Давай вместе возьмем такси и доедем, платим пополам». «Конечно, конечно». Мы побежали на улицу, крикнули такси, сразу же подъехала машина. Еще один ангел восточной внешности, сидящий за рулем, быстро понял, в чем дело, и мы понеслись в неизвестность...

Они сидели впереди, разговаривали всю дорогу, поворачиваясь вполоборота к нам и подбадривая: «tranquilo,.. no te preocupes», что, мол, не нужно волноваться, успеем, приедем вовремя. Я, действительно, уже успокоился, а сын, наверное, и не понял до конца, что случилось.

Покровительствуемые небесами мы успели к поезду, приехали за пять минут до его прибытия. Стоянка — это еще две минуты. Пробежали с сыном в зону отправления, поставили печать на электронные билеты, проверили багаж и собрались уже на платформу, но тут я оглянулся — ангел провожал нас с доброй улыбкой на небритом лице. «Подожди-ка», — сказал я

сыну и вернулся, подбежал к испанцу. Мне хотелось многое сказать: как мы ему благодарны, что, наверняка, встретимся на «энсьерро», пожелать удачи, если он участвует в беге с быками, и хорошо отпраздновать Сан Фермин, всю неделю танцуя, распевая с друзьями песни и запиная все это сангрией и еще чем-нибудь покрепче, с маленькими перерывами для сна, очень многое хотелось сказать...

«*Muchas gracias, muchas gracias!*», только и получилось, крепко пожимая руку. «Большое спасибо, большое спасибо!». Глаза договорили остальное, что думалось и хотелось, и на русском, и на испанском.

Без сомнения, это был ангел, хоть и без крыльев.

Я вновь и вновь благодарил его тихо, про себя, и когда мы въезжали в Памплону, чудный город, удивительно светлый во время праздника Сан Фермин, когда все, местные жители и туристы, радостно разгуливают, одетые в белую одежду с красными «пионерскими» галстуками и такого же цвета поясами, и когда проезжали Страну басков, наблюдая в окно поезда горные пики, которые были повсюду, суровые, твердые, черные, и между ними виднелись небольшие городки, кажущиеся древними из-за мрачноватых камней домов и выгоревших черепичных крыш, а здания церквей подчеркивали простоту и суровость этих мест. Такими же были и жители этой страны, прямодушными и немногословными, похожими на горы, с необычными именами и затаенным чувством независимости.

Эускеда — любовь моя, недоверчивая страна гор, коров и кельтских воинов, небо освещает тебя своей синью, набрасывая на твои гордые вершины покрывало из неторопливых облаков. Ангелы твои, спускаясь в долины, творят добро местным жителям и иностранцам, всем, кто прибыл сюда с чистым сердцем, пусть и с земель, оставленных Богом...

Наверное, этого парня звали Анхель, это ведь распространенное имя в Испании.

И старик, и рыбы, и море

Я читаю своему сынишке на ночь книгу.

Повесть довольно серьезная, «Старик и море» Хемингуэя. Старина Эрнест вряд ли писал ее для восьмилетних мальчиков, повесть подходит скорее «для среднего и старшего школьного возраста», но, я думаю, он одобрил бы то, что я читаю ее своему сыну.

На меня смотрят внимательно слушающие серьезные глаза, и веселых искрящихся огоньков в них нет, сюжет не дает повода для смеха. Честная борьба человека уже немолодого, не в расцвете сил, с огромной рыбой немножко завораживает сына.

Я читаю все, не перескакивая с места на место, не выискивая в книжке интересные места. Читаю хемингуэевские описания природы, моря, далекие от нашей действительности подробности жизни босоногих кубинских рыбаков, читаю не совсем понятные для мальчика рассуждения старика, повторяющиеся и поэтому похожие на заклинания. Он не просит меня пропустить половину повести, чтобы узнать, победил (не поймал!) ли, сразил ли старик эту рыбу, нападут ли на него акулы. Почему он догадался в начале повести, что будут акулы, какой дух Хемингуэя ему это подсказал?

Читая, я вижу, что жизнь старика почему-то не вызывает в нем чувства сопереживания, такого, которое, насколько я помню, было у меня, в моем советском детстве. Мы и сейчас, конечно, не богачи, но живем не в хижине и даже не в коммунальной квартире, и в отличие от старика и мальчика Манолына имеем разнообразную еду и обувь, а наши руки не изрисованы рубцами от тяжелого рыбацкого труда.

Я думаю, что на старого рыбака Сантьяго может быть похож дедушка моего сына, который раньше работал на заводах, машиностроительном и деревообрабатывающем. У него, как у хемингуэевского старика, здоровье уже тоже не очень крепкое, но руки мощные, с крупными ладонями, и плечи широкие. Он ширококостный. Дедушка, как и тот старый рыбак, родился и вырос в деревне, всю жизнь занимался физическим трудом, и тоже был когда-то очень сильным и здоровым, о чем я как бы невзначай сообщаю сыну.

Может мой сынишка поймет, почему писатель так подробно описывал в начале книги дружбу мальчика и старика, как мальчик заботился о старике, который не приходился ему родней, и почему он плакал в конце повести, увидев спящего старого рыбака, все-таки победившего рыбу? И нуждается ли в большей его заботе, моего восьмилетнего мальчугана, дедушка, уже пожилой, или бабушка, и еще одна бабушка, дай Бог им всем здоровья?

Я читаю книгу, и сам, незаметно для себя, представляю, что плыву со стариком в лодке, рыба тащит нас обоих, а мы едим сырого тунца, и потом еще едим макрель, старик ворчит, что сырая макрель противна, не то, что летучая рыба. Он держит леску своей согнутой от напряжения спиной, а я... Чем я могу помочь рыбаку, офисный человек, видящий море, как правило, раз в год, во время отпуска?

Интересно, а что чувствует мой сын, слушая меня, что представляется ему? Плывет ли он с нами в одной лодке? Мне бы хотелось этого. Пусть бы и без меня. Пускай сынишка плывет со стариком вдвоем и поможет ему, когда того мальчишку, Манолына, не пускает отец.

Мой сын крепкий, в деда. Он занимается спортом, и у него уже есть разряд по плаванию. Мне хотелось бы, чтобы он тоже не боялся плыть в открытое море на рыбацкой лодке, и чтобы он не боялся акул, и не испугался бы, когда понадобится драться с этой морской шпаной, отстаивая свою добычу, рыбу-меч, которую так тяжело было одолеть в честной борьбе.

Я читаю Хемингуэя, понимая, что мы изменились до неузнаваемости в своем стремлении к удобству жизни, наша, по сути, примитивная приспособляемость к окружающей среде вдруг переросла в болезненную и грешную привычку много есть, пить и сладко спать, образно говоря. Желая, чтобы наши дети «жили лучше, чем мы», мы заражаем их этой потребительской

болезнью. Зато мы не ходим босыми, и наши руки не изрезаны леской. Мы сберегли наши руки и ноги от тяжелого, приносящего людям пользу труда, но древняя привычка чем-то занять их осталась, и мы нагружаем их абсолютно бессмысленной работой в спортивном зале, в «уорлд-классе», выкидывая при этом деньги — плату за утешение нашего самолюбия.

Мне представляются длинные ряды книг Эрнеста Хемингуэя в магазинах, в цветных, дорогих обложках с красивыми переплетами и ярко-белыми страницами. С переводами, с предисловиями и послесловиями, не читаемыми, как правило, обычными людьми, и популярными даже у студентов-филологов краткими изложениями произведений. На полках с надписью «Зарубежная классика XX века», у которых в магазине не всегда много посетителей, в отличие от медийно-раскрученных писателей-современников. И на полках красивых мебельных гарнитуров, например, из орехового дерева или мореного дуба, гармонично сосуществуя с окружающей обстановкой в комнате.

Мне приятно читать Хемингуэя, держа в руках свою потертую книжку, «настоящую», с каким-то загадочным экслибрисом, купленную двадцать лет назад в букинистическом магазине, со сделавшейся от времени некрасивой черной обложкой и уже пожелтевшими страницами.

Я представляю себе гигабайты его романов и повестей, замечательных рассказов, закачанных в электронные книги моими торопящимися куда-то «соседями по биологическому виду». Гигабайты Хемингуэя. Неплохое название для фантастического романа было бы лет пятьдесят назад...

Я внимательно читаю повесть «Старик и море», ничего не пропуская из нереальной для нас жизни прошлого века, где море и земля, люди и рыбы со своими сильными характерами сплелись гармонично в сказочном мире, в котором еще чуть-чуть, и рыба-меч заговорила бы со стариком о жизни и смерти, и ветер пел бы блюзы под аккомпанемент океана, и старик помолодел бы не только душой, но и телом, чтобы опять выиграть у кого-нибудь эпическую борьбу на руках. А за то, что он поймал такую здоровенную рыбину, мужчины пронесли бы его на руках по пыльным центральным улицам рыбацкого поселка, крича «Оле, оле!», и женщины выглядывали бы с улыбкой в окна домов, и бармен в порыве латиноамериканского великодушия пообещал бы триумфатору ежедневный кофе до конца жизни и раз в неделю тарелку бесплатных бобов с томатным соусом...

Читая, я уже думаю о том, что мы обязательно посмотрим с сынишкой мультфильм по этой повести, замечательный мультфильм Александра Петрова, где море живое и настоящее, а старик и мальчик более чем живые. Они будто светящиеся. В этом мультфильме все имеют общую природу: и люди, и рыбы, и море.

Для сына, уже привыкшего к иностранному легиону безвкусных и бездуховных мультфильмов, не учащих, в лучшем случае, наших ребят ничему, этот мультфильм, пожалуй, будет сложноват, но я верю, что прекрасные образы останутся в его подсознании, чтобы когда-нибудь «выстрелить».

Я читаю вслух эту повесть Хемингуэя о любви. Книга буквально наполнена любовью настоящей, не целлулоидной, где старик любит мальчика, а тот — его, где старик по-настоящему любит рыбу, которую собирается убить, и любит рыб, которых должен есть, чтобы выжить. Латиноамериканская культура, смесь испанской и индейской. Он любит море и огни Гаваны, потому что море — это вся его жизнь, а огни Гаваны — это огни надежды. Думаю, что он и акул бы полюбил, если бы они отказались от своих пиратских помыслов в отношении его добычи и уплыли бы вдаль, весело прыгая, как дельфины.

Господи, перенеси нам хотя бы часть этой любви к людям, животным и к окружающему миру, в котором мы заперты кем-то невидимым на срок им же отмеренный...

Я начинаю понимать, что книгу на ночь я читаю и сыну, и себе, и даже больше себе, чтобы не забыть совсем рук, изрезанных леской, и каково бывает усталой спине, напряженно

держашей сутками рыбу на бечеве, чтобы не забыть вкус сырого тунца и летучей рыбы и кофе из жестяной банки, выданного в долг понимающим барменом из прибрежной рыбацкой забегаловки, чтобы вспомнить, какого цвета бывает море в штиль и перед штормом и куда нужно бить тупоносую galapo, чтобы убить с первого раза, и чтобы вспомнить, каково это любить почти нищего старика, который тебе вовсе не родственник, и помогать ему, насколько возможно, прожить достойно жизнь, уже закатывающуюся.

Я читаю на ночь книгу себе и сыну...

Хищники и клоуны

Я расстреливал словами своего восьмилетнего сына, стоящего у книжного шкафа с налитыми слезами красивыми глазами с большими ресницами.

Каждое мое предложение, выраженное интонационно, — отравленная пуля Фанни Каплан. В сердце Ильича. Чтобы запомнил на всю жизнь, чтобы никогда осознанно не повторил бы того, что сделал тогда в школе.

— Хочу, чтоб ты запомнил на всю жизнь, что так поступать нельзя, — так вот проникновенно, с выражением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.